

Введение

Ad narrandum, non ad probandum¹

Вклад карфагенян в эволюцию военного искусства долгое время оставался недооцененным. Победы, одержанные ими в ходе войн против Рима, приписывались исключительно заслугам отдельных выдающихся полководцев (Ксантиппа, Гамилькара) и прежде всего чудесному гению Ганнибала, и очень мало увязывались с теми изменениями, которые произошли в карфагенских вооруженных силах на протяжении III в. и благодаря которым африканская республика быстро превратилась в одно из самых милитаризированных и развитых в военном отношении государств Средиземноморья.

Военная организация Карфагена в действительности представляет собой явление

¹ «Для рассказывания, а не для доказывания» (лат.).

уникальное, поскольку она достаточно долго сохраняла базовые принципы, которые не подпали под влияние греческой военной мысли и были характерны для ближневосточных государств. Это, однако, не мешало Карфагену оставаться важной военной силой и играть ведущую политическую роль в бассейне Западного Средиземноморья.

Очень долго основная задача, возлагавшаяся на армию заключалась в укреплении карфагенского владычества на африканском континенте. Но начиная с VI до н. э. пунийцы начали проводить в жизнь амбициозную программу расширения экспансии. «Постепенно достигнув могущества, — пишет Аппиан, — они овладели Ливией и большим пространством моря; они стали вести внешние войны, совершая походы в Сицилию, на Сардинию и на другие острова, которые находятся на этом море, а также в Иберию. Очень часто они стали посылать и колонии, и могущество их в военном отношении стало равно эллинскому, по богатству же стояло на втором месте после персидского» (App., Lib., I, 2; пер. С. П. Кондратьева).

Но расширение зоны влияния Карфагена натолкнулось на мощное противодействие со стороны греков, активно продвигавшихся в западном направлении. Опираясь на союз с этрусками, пунийцы сумели вытеснить их с Сардинии и Корсики. Однако борьба

в Сицилии² оказалась намного более трудной и кровопролитной. В битве при Гимере (480 г.³) огромная карфагенская армия, высадившаяся на острове, была полностью уничтожена греческими войсками под предводительством тирана Гелона. Пунийцы вынуждены были заключить мир. Это поражение оказалось для них настолько жестоким, что следующую попытку распространить свою власть над Сицилией они предпримут лишь по прошествии 70 лет.

Экспансионистская внешняя политика наглядно продемонстрировала, что собственных людских ресурсов у африканской республики определенно не хватает. Поэтому карфагеняне стали привлекать для участия в своих военных операциях чужеземные контингенты. Естественным следствием этого процесса была прогрессивная трансформация пунийских вооруженных сил в мультиэтническую амальгаму, состоявшую из отрядов союзников, наемников, самих карфагенян и подчиненных им племен.

Долгое и упорное противостояние с западными эллинами оказало заметное влияние на организацию, вооружение и тактику пунийской армии. В дальнейшем именно

² В соответствии с отечественной антиковедческой традицией, когда речь идет о Сицилии, принято использовать предлог «в», а не «на».

³ Все даты в книге даны до нашей эры.

благодаря такой адаптивности уже к началу первой войны с Римом вооруженные силы Карфагена будут полностью соответствовать самым высоким стандартам, предъявляемым к армии эллинистического типа.

Однако эволюция карфагенской военной машины не закончилась на этом этапе. Скорее даже напротив: во время борьбы с Римом, борьбы намного более напряженной, кровопролитной и масштабной, чем это было когда-либо ранее, военная организация африканской республики продемонстрировала свою исключительную пластичность, способность давать адекватный ответ, опираясь не только на свои собственные ресурсы и достижения, но и обращая оружие врага против него самого.

Именно в тот период, когда Карфагену пришлось противостоять римским легионам, он достиг пика военного могущества. И, несмотря на то что в конечном итоге он потерпел поражение, сам факт, что это столкновение длилось так долго, а исход его так часто казался сомнительным, свидетельствует в пользу жизнеспособности и эффективности пунийских военных институтов.

Говоря о военном устройстве Карфагена, безусловно, нельзя обойти стороной деятельность блестящих военачальников и реформаторов, стоявших во главе его армий и позволявших им с успехом реализовывать свой потенциал на полях сражений.

Результатом деятельности этих полководцев стало появление в 230-х гг. самобытной тактической школы, в лоне которой проходило формирование полководческого гения Ганнибала — одного из крупнейших военных вождей всех времен, сопоставимого по своему дарованию с Александром, Цезарем и Наполеоном.

На протяжении столетий Ганнибал продолжал оказывать сильнейшее влияние на поколения полководцев. Можно с полным основанием утверждать, что благодаря ему римское военное искусство получило мощный импульс для развития, а тактические решения и инновации, примененные Ганнибалом, были восприняты Сципионом и в дальнейшем использованы Цезарем.

Карфагенская военная организация до начала войн с Римом

Nemo provocare, nemo audet offendere quem intellegit superiorem esse, si pugnet⁴

Veg., Epit., I, praef.

Карфаген против сицилийских эллинов

Об архаических военных порядках Карфагена известно мало и вдобавок только косвенно, на основании классических источников и весьма фрагментарных данных археологии. Но вряд ли мы ошибемся, если предположим, что пунийские вооруженные силы долго сохраняли многие примитивные черты и компоненты, которые восходили к финикийским⁵ структурам (например, колесницы)⁶.

⁴ «Никто не осмеливается вызывать и оскорблять того, о ком он знает, что в сражении он окажется сильнее его» (*лат.*, пер. С. П. Кондратьева).

⁵ Карфаген был основан в IX в. колонистами из финикийского города Тира.

⁶ Использование карфагенянами колесниц засвидетельствовано во время их экспедиций в Сицилию

В греческих городах-государствах существовала теснейшая связь между политическими правами и военными обязанностями: народное собрание изначально не было ничем другим, как войском граждан, созванным для политического волеизъявления. В Карфагене мы не видим ничего подобного. Это объясняется прежде всего тем, что военная деятельность мало привлекала народ, имевший ярко выраженные меркантильные наклонности и предпочитавший получать прибыль от торговли и навигации, а не в виде захваченной в бою добычи. В самом деле, пунийцы всегда желали, чтобы война, особенно если она обходилась дорого (во всех смыслах), была короткой, и без особых печалей примирялись с потерями при ее неблагоприятном исходе. Хотя Карфаген был городом многолюдным, однако его географическое положение ограничивало политику активных завоеваний: ему необходимо было снаряжать частые экспедиции в весьма удаленные страны, это неизбежно влекло за собой большие потери в среде граждан и подрывало коммерцию, которую, наоборот, пунийцы желали развешивать, открывая новые рынки.

На войны карфагеняне смотрели исключительно с точки зрения их полезности

в 480, 396, 345 и 340 гг. В битве при Кримисе (340 г.) у карфагенян было не менее 200 колесниц (Plut., Timol., 29).

и стоимости, то есть с точки зрения экономической. Такой подход обусловил их внешнеполитическую доктрину. Однако он не воспрепятствовал появлению черт аутентичного империализма (пусть и меркантильного по своей природе). Даже напротив, экономический подход к войнам долгое время оказывал определяющее влияние на все отношение пунийцев к состоянию и размерам их военной организации (по крайней мере, того, что касалось сухопутных вооруженных сил).

По своему составу пунийская армия не отличалась от многих других армий античного города-государства. Она состояла из самих карфагенян (граждан), их подданных, живших на подконтрольных Карфагену территориях, союзников и, наконец, наемников. Но пропорции, соответствовавшие каждой из этих частей, были отличными от эллинских или римской армий. К тому же все карфагенские солдаты получали жалованье, так же как, вероятно, и выдачи в натуральном виде. Поэтому не всегда легко установить четкую дистанцию между различными категориями военнослужащих.

Наемники в пунийской армии впервые упоминаются во время большого похода в Сицилию в 480 г. В дальнейшем, на протяжении всей истории африканской республики они составляли очень важный и многочисленный компонент в ее вооруженных

силах, которые в конечном итоге приобрели характер в высшей степени гетерогенный, объединяя под своими знаменами контингенты, происходившие из разных секторов Соедиземноморья⁷: африканцев (ливийцев), нумидийцев, берберов из внутренних территорий, дававших прекрасную легкую кавалерию, корсов, сардов, балеаров, славившихся своим умением в использовании пращей, галлов (особенно многочисленных в последний период войн с Римом), лигуров, иберов, греков. Наемниками были также субальтерно-офицеры, которые происходили из различных национальных контингентов, жили вместе со своими соплеменниками и разделяли с ними все тяготы службы.

В греческом мире сложилось мнение (см., например, Polyb., Hist., VI, 52, 3–4; Diod., Bibl., V, 38, 3), сохранявшееся, как кажется, на протяжении всей античной эпохи, что пунийцы были недостаточно мужественными для того, чтобы участвовать в войнах. Однако такое суждение выглядит предвзятым, по крайней мере, определено, что невоинственный народ не смог бы прийти к идее обновления своей военной организации, реформировав

⁷ Одними из первых в качестве наемников в карфагенских войсках были, возможно, этруски, чье присутствие в пунийской метрополии доказывается эпиграфическими и археологическими свидетельствами.

ее по образцу эллинской, сделав основным видом войска вооруженных сил тяжелую пехоту гоплитского типа. Диодор Сицилийский сообщает, что еще до битвы при Кримисе⁸ карфагеняне создали из граждан, отличавшихся знатностью и доблестью, «Священный отряд» (Diod., Bibl., XVI, 80, 4; XX, 10, 6; 11, 1). Это подразделение было, как представляется, имитацией знаменитого фиванского «Священного отряда» — наглядное свидетельство того, что африканская республика старалась идти в ногу с самыми значимыми достижениями эллинской военной науки.

Вместе с тем «реформаторство» карфагенян на протяжении длительного периода было лишено какой-либо оригинальности и имело, по сути, исключительно подражательный характер по отношению к греческой модели. Возможно, это происходило потому, что карфагенянам не хватало эмоциональной сопричастности к феномену войны, который, в отличие от греков, они старались исключить из повседневной жизни. Подобное желание ощущалось особенно остро после крупных военных неудач.

Одним из таких событий стало сражение при Кримисе, в котором участвовал цвет карфагенского воинства: 70 000 человек, согласно данным источников. Лучшую часть его

⁸ Кримис (Кримисса) — река, протекающая в западной части Сицилии.

составлял «Священный отряд» — 2500 (по версии Диодора Сицилийского) или 10 000 (по версии Плутарха) отборных гоплитов с белыми щитами. «...Тело у них, — передает Плутарх, — было защищено железным панцирем, голова покрыта медным шлемом, и, выставляя вперед огромные щиты, они легко отбивали удары копий» (Plut., Timol., 27, 28; пер. С. П. Маркиша). Если верить греческому историку, то тяжесть карфагенских лат была столь значительной, что те, кого противник сбивал с ног, могли подняться лишь с очень большим трудом.

Однако попытка опереться в борьбе за Сицилию на собственное гражданское ополчение дорого обошлась пунийцам: их войска были наголову разбиты эллинами под командованием Тимолеонта. «Говорят, — сообщает Плутарх, — что из десяти тысяч павших [пунийских солдат. — *Авт.*] три тысячи были карфагеняне — к великой скорби их города. Ни знатностью рода, ни богатством, ни славою никто не мог сравниться с погибшими, а с другой стороны, не было еще на памяти карфагенян случая, когда бы в одной битве они лишились стольких граждан: пользуясь обычно услугами наемников — ливийцев, испанцев и нумидийцев, — они расплачивались за свои поражения чужою бедой. О высоком положении убитых греки узнали по снятым с них доспехам: собирая добычу, никто и смотреть не хотел на медь и железо — так

много было серебра, так много золота» (Plut., Timol., 28, 29; пер. С. П. Маркиша).

Страшное поражение при Кримисе привело к тому, что карфагеняне на законодательном уровне приняли постановление в будущем не подвергать опасности жизни граждан, но привлекать иноземных наемников, особенно греков (Diod., Bibl., XVI, 80–81).

Таким образом, карфагенские граждане были полностью освобождены от военной повинности, если речь не шла о защите африканских владений⁹. По сути, после катастрофы, постигшей пунийские войска при Кримисе, Карфаген вернулся к традиционной системе комплектования вооруженных сил, возможно, с той разницей, что его тяжелая пехота теперь формировалась по большей части из греков. В рядах сухопутных карфагенских армий (такая ситуация сложилась, по крайней мере, к середине III в. до н. э.) граждане республики остались только в качестве высших офицеров и главнокомандующих, избиравшихся в среде аристократии.

Впрочем, никаких глубинных изменений в карфагенской военной организации битва

⁹ Существует мнение, что незначительное присутствие в пунийских армиях карфагенских граждан объясняется стремлением руководителей государства не отвлекать этих последних от экономической деятельности.

при Кримисе не произвела, и спустя три десятилетия (310 г.) пунийская армия, встретившая высадившегося в Африке Агафокла, ничем не отличалась от той, что противостояла в Сицилии Тимолеонту. Карфагеняне не стали ждать подкреплений из провинций и от союзников и собрали из собственных граждан армию, по одним данным, в 30 000 человек (Iust., Hist., XXII, 6, 5; Oros., Hist., IV, 6, 25), а по другим — 40 000 (Diod., Bibl., XX, 10, 5) пешего войска, 1000 всадников и 2000 колесниц. Лучшую часть пехоты образовывали 1000 гоплитов «Священного отряда», который занимал правый фланг карфагенского построения. Перед фронтом фаланги пунийцы разместили колесницы и всадников (Diod., Bibl., XX, 10, 6). Если размещение колесниц (очевидно, серпоносных) против вражеской пехоты выглядит достаточно традиционным¹⁰, то совершенно непонятным в данном случае представляется положение конницы, в которой у карфагенян был решительный перевес над греками и которая оказалась бы намного более полезной, если бы заняла место на флангах пунийской армии. Но, очевидно, нужно было дожидаться появления Ксантиппа, прежде чем карфагенские полководцы научились бы

¹⁰ В битве при Кримисе карфагеняне также разместили колесницы перед фронтом своей армии (Plut., Timol., 27).

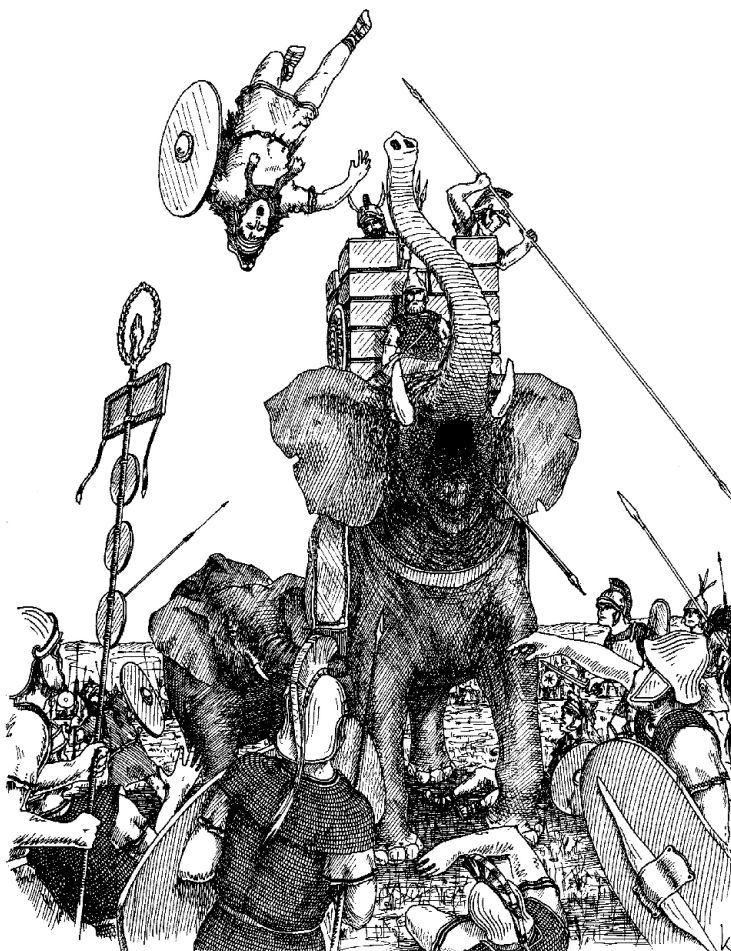
использованию охватного маневра. Как бы там ни было, сражение завершилось новым поражением пунийцев, оставивших на поле боя около 1000 (а по другим сведениям, более 6000) своих граждан против 200 греков (Diod., Bibl., XX, 13, 1)¹¹.

Слоны, их место и роль в карфагенской военной организации

Событием, оказавшим сильнейшее влияние на организацию, структуру и тактику карфагенских вооруженных сил, стало столкновение с новым противником, познакомившим пунийцев с самыми последними достижениями эллинистической военной мысли. Этим противником стал эпирский царь Пирр, который высадился в Сицилии в 278 г., имея при себе 30 000 пехоты, 2500 конницы и 19 слонов (Plut., Pyrrh., 22)¹². Очень скоро он отнял у карфагенян все их владения и стал уже набирать по городам гребцов, готовя флот для вторжения в Африку. Но этому масштабному

¹¹ По сведениям Юстина, погибли 2000 сицилийцев и 3000 пунийцев вместе со своим полководцем (Iust., Hist., XXII, 6, 6).

¹² Официальным поводом для начала войны с Карфагеном был союзный договор, который зимой 279/278 г. правительство африканской республики заключило с римлянами.



Столкновение римлян со слонами Пирра.
Рис. И. В. Кирсанова

предприятию не суждено было осуществиться: сицилийские греки, недовольные тяжелыми поборами и деспотизмом царя, перешли на сторону его противников карфагенян и мамертинцев. После того как в морской битве карфагенянам удалось разбить эпирский флот, Пирр был вынужден отказаться от своих амбициозных планов, навсегда оставить Сицилию и продолжить войну с римлянами в Италии (Iust., Hist., XXIII, 3).

Поразительное бессилие собственных сухопутных войск перед сравнительно небольшой эпирской армией заставило пунийцев в очередной раз задуматься о модернизации вооруженных сил. Несомненно, что карфагеняне (как несколько раньше римляне) должны были испытать состояние шока, увидев на поле боя слонов, перед которыми оказались бесполезны их колесницы и в страхе разбегались отряды наемников-варваров. Возможно, пунийцы были склонны приписать причину всех своих неудач именно наличию у Пирра гигантских животных. К тому же, живя в Африке, карфагеняне имели доступ к этому, как казалось, неисчерпаемому источнику военного могущества. Их дальнейшие шаги, предпринятые с целью повышения боеспособности своих армий, вполне логичны: познакомившись в Сицилии с боевыми слонами, карфагеняне отказались от использования серпоносных колесниц, сочтя их безнадежно устаревшим видом войска,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru